

Гости с Марса. Ги де Мопассан

Я работал, когда вошел слуга и сообщил:

— Месье, там какой-то месье хочет поговорить с вами.

— Впустите его.

Вошедший человек поклонился. В своих очках он был похож на тщедушного преподавателя, с хилого тела которого одежда свисала, словно с вешалки.

Он пробормотал:

— Прошу прощения, месье, прошу прощения, что помешал вам.

Я сказал:

— Присаживайтесь, месье.

Он опустился на стул и продолжал:

— Боже мой, я просто должен поговорить с вами, но я так волнуюсь... Мне совершенно необходимо поговорить с кем-нибудь, но я не знаю здесь никого, кроме вас... Короче говоря, я набрался смелости... но сейчас... Я не могу решиться!

— И все же решайтесь.

— Так вот, месье, дело в том, что если я расскажу вам эту историю, то вы примете меня за сумасшедшего.

— Господи, но ведь все зависит от того, что именно вы мне расскажете.

— Действительно, месье, то, что я хочу рассказать вам, выглядит очень странным. Но прошу вас иметь в виду, что я не сумасшедший — хотя бы потому, что хорошо осознаю необычность того, что собираюсь рассказать.

— Ну, хорошо, месье, начинайте же.

— Нет, месье. Я не сумасшедший, но знаю, что выгляжу как не совсем нормальный человек. В лучшем случае, как человек, который размышлял несколько больше всех остальных и поэтому немного, о, совсем немного, вышел за рамки обыденного. Представьте себе, месье, что в этом мире никто ни о чем не думает. Каждый занят своими делами, своим состоянием, своими удовольствиями, своей жизнью, в конце концов, или же мелкими забавными глупостями вроде театра, живописи, музыки, промышленности или политики, которую, кстати, можно считать самой большой глупостью. Но кто думает по-настоящему? Кто? Никто! О, простите, я несколько увлекся. Я возвращаюсь к своим баранам.

Вот уже пять лет, как я живу в этих краях, месье. Вы меня не знаете, тогда как я знаю вас очень хорошо... Но я никогда не смешиваюсь с толпой почитателей на вашем пляже или в вашем казино. Я предпочитаю устраиваться на скалах. Обожаю скалы Этретата! Нет ничего более прекрасного, более чистого... Я хочу сказать, более чистого в духовном смысле. Волшебная дорога между небом и морем, заросшая травой тропинка, бегущая по кромке гигантской стены белых скал и ведущая вас на край света, на край земли над океаном... Я провел свои лучшие дни под лучами солнца на покрытом травой склоне и предаваясь мечтам в сотне метров над океанскими волнами. Вы понимаете меня?

— Конечно, я понимаю вас.

— Теперь позвольте задать вам вопрос.

— Прошу вас.

— Верите ли вы, что другие планеты обитаемы?

Я ответил, не колеблясь и не проявив ни малейшего удивления:

— Разумеется, я верю в это.

Охваченный волнением, он вскочил с явным намерением обнять меня, но тут же спохватился и снова сел.

— О, какое счастье, — вскричал он, — какая удача! Теперь я могу спокойно вздохнуть. Как только я мог сомневаться в вас! Человек не может считаться интеллигентным, если он не верит в обитаемость других миров. Только дураки, кретины, идиоты, могут допускать, что миллиарды звезд сверкают и вращаются в пространстве исключительно для того, чтобы развлекать и удивлять человека, это безмозглое насекомое. Только человек может не понимать, что Земля всего лишь ничтожная пылинка среди множества пылинок других миров, что наша солнечная система — всего лишь несколько молекул звездной жизни, которая скоро оборвется. Посмотрите на Млечный путь, этот поток звезд и представьте, что и это всего лишь крупинка в пространстве, которое называется бесконечностью. Поразмышляйте об этом хотя бы десять минут и вы поймете, что мы ничего не знаем, ничего не понимаем. Ведь нам известна только одна бесконечно малая точка, и ничто за ее пределами в бесконечном внешнем мире нам не известно. Тем не менее, мы убеждены, что познали все и искренне верим в это. О, если бы нам внезапно открылись великие тайны внеземной жизни, какое это было бы потрясение!

Но нет, нет! Я такой же глупец, как и остальные! Ведь мы все равно не смогли бы ничего понять, потому что наш разум способен усвоить только то, что окружает нас на Земле, и не может распространиться за ее пределы. Наше сознание ограничено, как и вся наша жизнь; мы прикованы к жалкому шару, несущему нас на своей поверхности, и судим обо всем только основываясь на сравнении. Вы ведь понимаете, месье, что люди глупы и ограничены, но убеждены в могуществе своего разума, который едва превосходит разум животных. Мы даже не способны осознать свою убогость, мы созданы для того, чтобы помнить цены на хлеб и масло; наибольшее, на что мы способны — это спорить о сравнительной ценности двух лошадей, двух кораблей, двух министров или двух артистов.

И это все. Мы способны только примитивно возделывать землю и неумело пользоваться тем, что есть на ней. Мы едва начинаем создавать самодвижущиеся механизмы, мы радуемся, словно дети, любому открытию, которое должны были бы сделать столетия назад, если бы действительно были разумными существами. Мы все еще окружены неведомым, и нам потребовались тысячелетия развития, чтобы только заподозрить существование электричества. Вы согласны со мной?

Я ответил со смехом:

— Разумеется, месье.

— Прекрасно. А теперь скажите, месье, вы когда-нибудь читали про Марс?

— Про Марс?

— Да, про планету Марс.

— Нет, никогда.

— И вы ничего не знаете о нем?

— Ничего.

— Вы позволите мне рассказать вам кое-что о Марсе?

— Конечно, я с удовольствием выслушаю вас.

— Вы, конечно, знаете, что планеты нашей системы, нашей маленькой семьи, образовались путем конденсации из примитивных газовых колец, отделившихся одно за другим от солнечной туманности?

— Да, конечно.

— Из этого следует, что самые удаленные от Солнца планеты являются самыми старыми и, соответственно, должны быть наиболее развитыми. Вот последовательность, в которой они появились: Уран, Сатурн, Юпитер, Марс, Земля, Венера, Меркурий. Вы согласны признать, что все они могут быть обитаемы, как Земля?

— Несомненно. Почему Земля должна быть исключением?

— Замечательно. Следовательно, обитатели Марса должны быть древнее, чем человек Земли... Но я несколько забегаю вперед. Сначала я должен доказать вам, что Марс обитаем. Марс представляется нам примерно таким же, какой выглядит для марсианского наблюдателя Земля. Океаны на Марсе занимают гораздо меньше места — их можно узнать по темной окраске, потому что вода поглощает солнечные лучи, тогда как суша отражает их. Изменения поверхности этой планеты весьма значительны, что свидетельствует об активности жизни на ней. На Марсе существуют времена года, похожие на земные; на полюсах планеты выпадает снег, и снежная шапка то увеличивается, то уменьшается. Марсианский год продолжительнее земного, в нем шестьсот восемьдесят семь земных суток или шестьсот шестьдесят восемь марсианских. Они распределяются следующим образом: сто девяносто один сутки приходятся на весну, сто восемьдесят один — на лето, сто сорок девять — на осень, сто сорок семь — на зиму. Облака там встречаются гораздо реже, чем на Земле, поэтому там более жаркое лето и более холодная зима...

Я прервал его:

— Простите, но из-за того, что Марс находится значительно дальше от Солнца, чем Земля, на нем, по-моему, всегда должно быть очень холодно.

Мой странный гость возбужденно вскричал:

— Это ошибка, месье! Ошибка, абсолютное заблуждение! Земля находится дальше от Солнца летом, чем зимой. На вершине Монблана холоднее, чем у подножья. Я могу сослаться на механистическую теорию тепла Гельмгольца и Скиапарелли. Согласно этой теории, температура почвы зависит преимущественно от количества водяных паров в атмосфере. И вот почему: способность молекулы водяного пара поглощать тепло в шестнадцать тысяч больше, чем молекулы сухого воздуха; таким образом, водяные пары являются сильнейшим поглотителем тепла, которое в результате не попадает на почву. Поскольку на Марсе облака встречаются очень редко, на марсианской почве должно быть гораздо теплее, чем на земной.

— В таком случае я не буду спорить с вами.

— Прекрасно. Теперь, месье, я прошу слушать меня как можно внимательнее.

— Я именно так и делаю.

— Вы, вероятно, слышали о пресловутых каналах, открытых на Марсе в 1884 году астрономом Скиапарелли?

— Очень немного.

— Подумайте, возможно ли это? Когда в 1884 году при очередном противостоянии Марс находился в максимальной близости от Земли и нас разделяло всего лишь восемьдесят миллионов лье, Скиапарелли, крупнейший астроном нашего века и достойный всяческого доверия наблюдатель, внезапно обнаружил множество прямых протяженных линий, покрывавших геометрическим рисунком марсианские континенты и моря. Да, да, месье, это оказались прямолинейные каналы, имевшие одинаковую ширину на всем протяжении, каналы, несомненно построенные разумными созданиями! Это доказательство того, что Марс обитаем, что на нем живут существа, способные мыслить и трудиться, что они смотрят на нас! Вы понимаете?

Через двадцать шесть лет, при следующем противостоянии, эти каналы снова наблюдались, и их количество возросло. Это гигантские сооружения, достигающие в ширину доброй сотни километров.

Я ответил с улыбкой:

— Сто километров ширины! Им пришлось основательно потрудиться, чтобы выкопать эти каналы!

— О, месье, что вы говорите! Вы, значит, не знаете, что выполнить эту работу на Марсе несравненно легче, чем на Земле, поскольку плотность вещества там составляет шестьдесят девять сотых земной! Сила тяжести на Марсе равняется всего тридцати семи сотым земной. Килограмм воды, доставленный на Марс с Земли, будет весить там всего триста семьдесят граммов!

Он швырял в меня цифры с такой уверенностью, с такой убежденностью коммерсанта, который знает истинное значение чисел, что мне стало смешно и захотелось спросить, сколько весят на Марсе сахар и масло.

Он покачал головой:

— Вы смеетесь, месье... Теперь вы принимаете меня за дурака, тогда как сначала приняли за сумасшедшего... Но цифры, которые я я привел, можно найти во всех серьезных трудах по астрономии. Диаметр Марса почти вдвое меньше земного; его поверхность составляет всего двадцать шесть сотых от земной; его объем в шесть с половиной раз меньше, чем у Земли. Измерения скорости двух марсианских спутников показали, что он весит в десять раз меньше, чем Земля. Поскольку сила тяжести зависит от массы и от объема, то есть от веса тела и его расстояния от центра массы планеты, то из этого несомненно следует, что на поверхности Марса все тела будут гораздо легче, чем на Земле, благодаря чему жизнь там окажется совсем иной. Очевидно, там живут крылатые существа. Да, месье, царь природы на Марсе должен иметь крылья. Он свободно летает, перемещается с одного континента на другой, парит, подобно духу, над своим миром, с которым его, впрочем, связывает атмосфера, за пределы которой он не может выйти, если только...

Представьте себе планету, покрытую растительностью и населенную животными, облик которых мы даже не можем вообразить, а также разумными существами с огромными крыльями, вероятно, похожими на наших ангелов. Я вижу, как они совершают пируэты над равнинами и городами в золотистом воздухе... Дело в том, что раньше считали, что у Марса красная атмосфера, но теперь ясно, что она должна быть желтого, прекрасного золотисто-желтого цвета.

Вы и теперь удивляетесь, что эти создания могли выкопать каналы шириной в сотню километров? Вспомните, чего достигла на Земле наука всего лишь на протяжении последнего столетия! А ведь марсиане наверняка ушли далеко вперед по сравнению с нами...

Он внезапно замолчал, опустил глаза и едва слышно пробормотал:

— Боюсь, что теперь вы сочтете меня безумцем... После того, как я скажу вам, что едва не встретился с ними... Однажды вечером я... Может быть, вы знаете, что сейчас время звездного дождя. Каждый год в этот месяц между 18 и 19 числом падающие звезды особенно многочисленны; вероятно, Земля проходит через полосу остатков разрушившейся кометы.

Так вот, я сидел на скале Ман-Порт, этой огромной ноге, шагнувшей в море, и наблюдал дождь миниатюрных миров, сгоравших надо мной. Это занимательнее и прекраснее, чем фейерверк! Неожиданно я заметил над собой светящийся прозрачный шар с огромными пульсирующими крыльями... По крайней мере, мне показалось, что я увидел эти крылья в ночном полумраке. Шар то кувыркался в воздухе, словно раненая птица, то вращался вокруг своей оси со странным шумом. Казалось, что он терпит катастрофу, падая все ниже и ниже. Он пронесся совсем близко от меня. Мне показалось, что это была огромная хрустальная сфера, населенная неотчетливо различимыми существами, метавшимися внутри, словно экипаж тонущего судна, которое не подчиняется рулю, а волны швыряют во все стороны. Описав кривую, загадочный шар рухнул в море вдали от берега, и я услышал грохот, похожий на выстрел из чудовищной пушки. Многие в этой местности слышали этот грохот, который они приняли за удар грома. И только я видел... Если бы аппарат упал на берегу, неподалеку от меня, мы сейчас уже знали бы, кто населяет Марс. Не говорите ничего, месье, лучше подумайте как следует о том, что я рассказал вам, если, конечно, у вас будет настроение. Да, я видел... Я видел... Первый звездный корабль, управляемый мыслящими существами, устремившимися на нем в бесконечность. Но, может быть, я был всего лишь свидетелем гибели обычной падающей звезды, захваченной Землей? Вы знаете, что планеты охотятся за блуждающими в пространстве телами, подобно тому, как полиция ловит бродяг? Наша небольшая и легкая планета способна перехватить только самых мелких скитальцев из беспредельного пространства.

Мой гость, взволнованный нарисованной им картиной, вскочил на ноги и попытался жестами изобразить орбиты космических тел, о которых рассказывал.

— Из глубин бесконечности к Солнцу то и дело подлетают кометы, эти свободные лучезарные птицы пространства, обычно блуждающие за границами великой туманности, из которой когда-то конденсировались тела нашей солнечной системы. Они прилетают к нам, влача за собой огромный светящийся шлейф, и устремляются к центральному светилу. При этом они так ускоряют свой полет, что не в состоянии соединиться с влекущей их звездой. Едва не задев ее, они снова уносятся прочь с той же головокружительной скоростью.

Но если комета во время стремительного путешествия пролетает вблизи от огромной планеты, если она ощущает ее неукротимое притяжение, она оказывается пленницей, рабыней своей новой хозяйки. Парабола ее траектории превращается в замкнутый эллипс — именно поэтому мы в состоянии предсказать возвращение периодических комет. У Юпитера восемь таких рабынь, у Сатурна и Нептуна по одной... Так что... Может быть, мне довелось увидеть, как Земля оборвала путешествие очередной небесной странницы, поймала еще один блуждающий в пространстве маленький мирок?

Прощайте, месье, и не говорите ничего, но думайте, думайте, думайте. И расскажите когда-нибудь об этом, если у вас возникнет такое желание.

Я так и сделал. Добавлю, что этот чокнутый показался мне гораздо разумнее, чем обычный рантье.

(с) Игорь Найденов, перевод с французского, 2004